

ФЕНОМЕН ПОКОЛЕНИЯ:
ДИАЛОГ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
GENERATION PHENOMENON:
DIALOGUE AND LITERARY PRACTICES

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.041
УДК 82.091 + 808.1 + 930.2:80 +
+ 821.161.1“18” + 316.4.051.62

Е. К. Созина

¹*Институт истории и археологии УрО РАН*

²*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

**ЭПОХА / ПЕРИОД VS ПОКОЛЕНИЕ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ XIX в.**

В статье рассматривается функционирование понятий «эпоха», «период», «поколение» в литературе, критике и литературоведении XIX в. Понятие «эпоха» предполагает линейно-стадиальное понимание и истолкование истории, «период» может использоваться в случае и других концепций исторического развития. Эпоха, иногда заменяемая веком, и период традиционно применялись в качестве единиц измерения истории литературы и культуры, мы встречаем их в работах А. Бестужева, И. Киреевского, В. Белинского и др. Одну из первых периодизаций истории русской литературы с применением указанных понятий дал И. М. Борн. Понятие «поколение» несет биологический, природный оттенок смысла и потому связано не обязательно с линейно-стадиальной концепцией исторического времени. «Поколение — это время, воплощенное в людях, в их драматической судьбе», — говорит С. Н. Зенкин. К понятию «поколение» чаще прибегают в периоды исторического времени, требующие осмысления человеком самого себя и своего места в истории, — такова, например, эпоха романтизма первых десятилетий XIX в. Иной фактор, обуславливающий актуализацию поколенной проблематики, — это влияние биологических и натуралистических концепций и идей, когда возникает мотив некоей общности людей, обреченных родиться и жить с этим влиянием «в крови», в этот определенный, не самый благоприятный отрезок времени. Обозначенная ситуация рассматривается в статье на примере функционирования концепта «поколение» в творчестве А. П. Чехова, активно относившего себя к «артели» (поколению) восьмидесятников в 1880-е гг. Впоследствии концепт сохраняется в его художественных произведениях и нередко выступает предметом полемики персонажей. В статье дается также анализ обращения всех указанных понятий в «Истории русской литературы XIX века»

под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1908–1911), ставшей итоговой для культурно-исторической школы XIX столетия. Обращается внимание на то, как в книге складывается метод работы с этими понятиями, востребованный затем в гуманитарной науке XX в.

Ключевые слова: единицы исторического времени; эпоха; период; поколение; В. Белинский; А. Пушкин; А. Чехов; «История русской литературы XIX века»; Д. Н. Овсяннико-Куликовский

Цитирование: Созина Е. К. Эпоха / период vs поколение в литературно-критическом сознании XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 9–25. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.041>

Поступила в редакцию: 08.01.2022

Принята к печати: 24.06.2022

Elena K. Sozina

¹*Institute of History and Archaeology UB RAS*

²*Ural Federal University*

Ekaterinburg, Russia

EPOCH / PERIOD VS GENERATION IN THE LITERARY AND CRITICAL CONSCIOUSNESS OF THE 19th CENTURY

This article analyses the functioning of the concepts of “epoch”, “period”, and “generation” in nineteenth-century literature, criticism, and literature studies. The concept of “epoch” presupposes a linear stage understanding and interpretation of history, and “period” can also be used within other concepts of historical development. The “epoch”, sometimes replaced by the “century”, and the “period” were traditionally used as measurement units of literature and culture history (cf. works of A. Bestuzhev, I. Kireevsky, V. Belinsky, etc.). One of the first periodisations of the history of Russian literature which employed these concepts was given by I. M. Born. The concept of “generation” in its meaning contains a biological, natural connotation, and therefore is not necessarily associated with the linear stage understanding of historical time. As S. N. Zenkin puts it, “a generation is time embodied in people, in their dramatic destiny”. The concept of “generation” is often used in periods of historical time which require a person to comprehend themselves and their place in history. A good example is Romanticism in the first decades of the nineteenth century. Another factor that actualises generational problems is the influence of biological and naturalistic ideas when a community motif of people doomed to be born and live with this influence “in their blood” emerges in this quite unfavorable time. This situation is considered by the author of this paper regarding the functioning of the “generation” concept in A. P. Chekhov’s works, who actively marked himself as belonging to the eighties’ “artel” (generation) in the 1880s. This concept as a subject of his characters’ argument subsequently recurs in Chekhov’s works of fiction. All the concepts mentioned are also analysed in the *History of the Russian Literature*

of the 19th Century (1908–1911, ed. D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky), which summed up the achievements of the nineteenth-century cultural and historical school. The author emphasises how this book (*History...*) develops a method of working with these concepts, and this method later comes in demand with the twentieth-century humanities.

Key words: units of historical time; epoch; period; generation; V. Belinsky; A. Pushkin; A. Chekhov; *History of Russian Literature of the 19th Century*; D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky

For citation: Sozina, E. K. (2022). Epokha / period vs pokolenie v literaturno-kriticheskom soznanii XIX v. [Epoch / Period vs Generation in the Literary and Critical Consciousness of the 19th Century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 9–25. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.041>

Submitted: 08.01.2022

Accepted: 24.06.2022

Как в обыденном, так и в научном употреблении довольно часто звучат слова, вынесенные в заглавие этой статьи. Они помогают увидеть и расчислить время нашей жизни, соотнести его с «большим» временем истории, определить «возраст» истории и своей собственной судьбы. Пытаясь понять «причину и ритм исторических перемен», Ортега-и-Гассет писал: «...Они — в том неотрывном от любой человеческой жизни факте, что последняя всегда протекает в известном возрасте. Жизнь — это время... И время не космическое и, следовательно, не бесконечное. Нет, оно ограниченное, конечное, а потому подлинное и неотвратимое» [Ортега-и-Гассет, с. 260]. В работах 1930-х гг. философ предложил «метод поколений» как способ понимания движения истории. Однако в истории как таковой, в истории литературы и культуры в качестве единиц измерения обычно используются понятия «эпоха» и «период». Попробуем посмотреть на соотношение всех обозначенных понятий (которые могут рассматриваться и как концепты) друг с другом на материале русского XIX века.

Согласно философскому энциклопедическому словарю, эпоха — «наиболее крупная единица исторического времени, обозначающая длительный период человеческой истории, отличающийся определенной внутренней связностью и только ему присущим уровнем развития материальной и духовной культуры» [Философский... словарь, с. 1018]. Понятие «эпоха» предполагает линейно-стадиальное понимание и истолкование истории, оно утвердилось в европейской историографии, по-видимому, благодаря христианскому представлению об истории, и теряет силу при понимании истории как совокупности локальных цивилизаций. Яркий пример христианского линейно-стадиального понимания истории дает нам статья И. В. Киреевского «Деятнадцатый век» (1832): «От самого падения Римской Империи до наших времен, просвещение Европы представляется нам в постепенном развитии и в непрерывной последовательности. Каждая эпоха обуславливается предыдущей, и всегда прежняя заключает в себе семена будущей, так что в каждой из них являются те же стихии, но

в полнейшем развитии» [Киреевский, т. 1, с. 98]. Близким по значению может выступать понятие «век» — когда имеется в виду не какой-либо конкретный, обозначенный цифрой век, а также некая крупная и обособленная от других единица исторического времени. В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и в начале 1825 года» (1825) А. А. Бестужев выделял «века» в развитии словесности, отчасти следуя природно-биологическому принципу, отчасти имея в подтексте знаменитое гесиодовское деление истории человечества: «Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и гениальных творений. <...> За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета» [Бестужев, с. 547].

Период — более мелкий отрезок времени, как «этап, стадия какого-либо процесса» он может выступать частью эпохи, но в то же время понятие периода применимо и в случае других концепций истории, не обязательно линейных; так, в энциклопедии мы читаем, что это «обход, круговращение, определенный круг времени», а также «промежуток времени, в течение которого совершается какой-либо процесс» [БСЭ, с. 648].

Понятие «эпоха» на протяжении XIX в. чаще применялось в научных и критических работах, понятие «век» в расширенном и отчасти метафорическом значении, обозначенном у Бестужева, довольно часто фигурирует в поэзии («Ужасный век, ужасные сердца!» А. С. Пушкина, «Век шествует своим путем железным» Е. А. Боратынского и др.). Наиболее употребимым, обиходным становится понятие «период». Так, уже в работе 1808 г. «Краткое руководство к российской словесности» его вводит И. М. Борн, осуществивший одну из первых периодизаций истории отечественной литературы. Как российскую словесность, так и историю русского языка «до наших дней» он делил на три главных периода [Борн].

Пожалуй, наиболее важными в историко-литературном отношении, в том числе и в плане урегулирования значений наших понятий, явились статьи В. Г. Белинского. Остановимся лишь на его статье 1834 г. «Литературные мечтания», в которой он поставил проблему содержания понятия «литература» и вслед предыдущим начинателям дал свою периодизацию русской литературы. В словаре Белинского присутствуют и *эпоха*, и *век*, и *эра*, отмечая некие особенные (хотя не обязательно длительные), значительные периоды в истории страны и ее литературы. См., например: «Воцарилась Екатерина Вторая, и для русского народа наступила *эра* (здесь и далее курсив наш. — Е. С.) новой, лучшей жизни» [Белинский, т. 1, с. 32]; «Знаете ли, в чем состоял отличительный характер *века* Екатерины II, этой великой *эпохи*, этого светлого момента в жизни русского народа?» [Там же, с. 33]; «*Век* Александра Благословенного, как и *век* Екатерины Великой, принадлежит к светлым мгновениям жизни русского народа...» [Там же, с. 40]. Как видим, обозначения «эпох» идут главным образом по имени монархов, что соответствовало традиции тогдашней историографии. Эту традицию Белинский, однако, нарушает, переходя к пониманию значения

творчества главного писателя недавно прошедшего времени, продвинувшего литературу далеко вперед: «Карамзин отметил своим именем *эпоху* в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый *период* нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется *Карамзинским* (здесь и далее разрядка автора. — *Е. С.*)» [Белинский, т. 1, с. 42]. Стоит упомянуть, что ранее И. М. Борн также полагал, что Карамзин заслужил обозначения его именем целой литературной эпохи («В рассуждение Н. М. Карамзина заметим, что проза сего писателя составила как бы новую *эпоху* в нашей словесности: она служит, кажется, образцом для наших молодых литераторов» [Борн, с. 160]). Карамзинский период, по Белинскому, оказывается самым длинным в новейшей литературе: он занимает «целую четверть столетия» [Белинский, т. 1, с. 51]. Затем критик выделяет Пушкинский период продолжительностью «почти ровно десять лет», явившийся «самым цветущим временем нашей словесности» [Там же, с. 71]. Четвертым периодом у него становится «настоящий период», получивший название прозаически-народного, а пятый, в ироническом смысле, — Смирдинский, по имени популярного книгопродавца того времени. Позднее прозаический период получит название Гоголевского — это наименование прозвучит в работе Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856), и в ней же период, по существу, будет отождествляться с новым направлением, возникшим благодаря Н. В. Гоголю и закрепившимся в литературе в последующие 1840-е и начале 1850-х гг., почему Гоголевский период протягивается на «такое количество лет, какого в прежнее время было достаточно для смены двух или трех периодов» [Чернышевский, с. 163].

Если понятия «эпоха», «век», «период» являются преимущественно хронологическими, наполняясь содержанием в зависимости от целей автора, их употребляющего, то совсем иной характер имеет понятие «поколение», которое, тем не менее, довольно часто выступает в связке с упомянутыми выше. С. Н. Зенкин в значении понятия «поколение» выделил два аспекта — «формально-хронологический и содержательно-номенклатурный». «В первом аспекте поколение мыслится как единица временной периодизации жизни общества или культуры», часто «промежуточная между “столетием” (“веком”) и “сезоном”» [Зенкин, с. 130]. Но поколение несет в себе биологический, природный оттенок смысла и потому связано не обязательно с линейно-стадиальной концепцией исторического времени. Зенкин приводит высказывание Шатобриана («Замогильные записки», опубл. 1848): «Каждое поколение занимает тридцать три года — время жизни Христа». Вторя Зенкину, можно привести и другие цитаты из литературы романтизма, которая актуализировала указанное природно-историческое и вместе с тем культурно-историческое значение слова «поколение». Альфред де Мюссе: «Во время войн Империи, пока мужья и братья находились в Германии, беспокоившиеся о них матери произвели на свет пылкое, бледное, нервное поколение» («Исповедь сына века», 1836) [Мюссе, с. 25]. М. Ю. Лермонтов: «Печально я гляжу на наше поколень!» («Дума», 1838). Любопытно,

что А. С. Пушкин в этом случае употреблял другое слово: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» («...Вновь я посетил», 1835), хотя, судя по этому стихотворению и некоторым другим, в 1830-е гг. размышления о судьбах поколений были ему не чужды. Как кажется, для Пушкина было важно видеть, чувствовать живые родственные связи поколений («Но пусть мой внук <...> И обо мне вспомнит» («...Вновь я посетил»), «Младенца милого ласкаю...» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...», 1829) и др.). Утешая хандрящего П. А. Плетнева, в 1831 г. он пишет: «Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь и у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята...» [Пушкин, т. 10, с. 53]. Лишь в стихотворении «К вельможе» (1830), говоря о своеобразном круговороте жизни, проходящей перед взором его героя, о смене эпох, лиц, декораций и масок, поэт вводит интересующий нас концепт: «Свидетелями быв вчерашнего паденья, / Едва опомнились младые поколенья. / Жестоких опытов сбирая поздний плод, / Они торопятся с расходом свесть приход» [Пушкин, т. 2, с. 291]. И вновь тема «поколений» оказывается связана здесь с постреволюционной эпохой романтизма.

В этой связи вряд ли можно согласиться с положением Зенкина о том, что «понятие поколения в XIX в. носит почти исключительно отрицательные коннотации», и эта традиция продолжается в XX в. Скорее, это понятие принимает не столь негативные, сколь минорные, элегические смыслы в совершенно определенные эпохи: в эпоху романтизма, возникшего на волне разочарований образованного класса: во Франции — после великих поражений 1789 и 1812 гг., в России — после трагических событий 1825 г., в ходе XX в. — после Первой и Второй мировых войн (причем в Европе, не в России), в связи с драматическим исходом людей уже из России (поколения и волны эмиграции). Хотя некий *драматизм* заложен в представлении о поколении в силу присутствующей в нем семы природной цикличности, смены одного другим. Как пишет С. Н. Зенкин, «Поколение — это время, воплощенное в людях, в их драматической судьбе; в непрерывную длительность исторического процесса оно вписывает меру, обусловленную жизненным циклом человеческого тела, и вносит циклическое время, отчасти похожее на мифологическое время “вечного возвращения”. <...> В отличие от “эпохи”, “периода” и тому подобных чисто хронологических членений, “поколение” предполагает сосуществование и противоборство в один момент истории разных социально-культурных групп, одна из которых, более молодая, наступает на другую “и к гробу праотцев теснит»» [Зенкин, с. 131]¹. Отсюда, смена поколений может найти выражение в проблеме «отцов и детей», как это происходило в отечественной литературе уже в середине века («Отцы и дети» И. С. Тургенева, 1862). Думается, преодолеть этот закономерный

¹ Это наблюдение исследователя перекликается с мыслью Ортега-и-Гассета, писавшего о том, что поколения чаще всего не сосуществуют мирно и безмятежно, но «обречены явно или тайно бороться друг с другом» [Ортега-и-Гассет, с. 274].

возникающий природно-исторический драматизм удавалось лишь Пушкину — в силу присущей ему органики жизни и духа, ярко проявившейся в его спокойном принятии законов судьбы.

Иной фактор, обуславливающий актуализацию поколенной проблематики в текстах самих акторов, принадлежащих к тому или иному поколению, это влияние биологических и натуралистических концепций и идей, когда в общественном сознании начинают муссироваться идеи наследственности, на которую накладывается влияние «среды» и «момента», возникает мотив некой общности людей, обреченных родиться и жить с этим влиянием «в крови» в этот определенный, не самый благоприятный отрезок времени. Особенную актуальность подобные идеи приобретают ближе к концу века, когда активно продуцируются натуралистические модели биологической и расовой детерминации человека, вырождения, интенсивно развиваются психиатрия и криминальная антропология [см.: Николози]. Все это накладывается на зарождающийся декаданс с его интересом к бессознательному, к «темным» областям жизни и человеческой психики. Как пишет Н. Ю. Грякалова, «...В течение второй половины столетия создается колоссальная систематика вырождения, породившая фигуру “вырожденца”, “дегенерата” и “декадента”» [Грякалова, с. 15]. В этих условиях апелляция к концепту «поколение» звучит еще достаточно нейтрально, хотя зачастую маркирует наклонность автора к пессимистической оценке своей эпохи.

Рассмотрим функционирование понятия «поколение» в творчестве А. П. Чехова, помещавшемся как раз на границе двух эпох и двух веков.

Особенно часто Чехов обращался к понятию «поколение» в 1880-е гг., в начале своей творческой биографии воспринимая и позиционируя себя как одного из поколения восьмидесятников. Вот показательные примеры из его писем: «...У людей Вашего *поколения*, кроме таланта, есть эрудиция, школа, фосфор и железо, а у современных талантов нет ничего подобного, и, откровенно говоря, надо радоваться, что они не трогают серьезных вопросов» (из письма Д. В. Григоровичу 1888 г.) [Чехов, Письма, т. 2, с. 174]. «Чем больше успеха, тем лучше для всего нашего *поколения* писателей. Я... верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни “слоном среди нас” и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого *поколения*, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а “восьмидесятые годы” или “конец XIX столетия”. Некоторым образом, артель» (из письма В. А. Тихонову 1889 г.) [Чехов, Письма, т. 3, с. 173–174]. Здесь Чехов определяет свое поколение через временной период, наполняя его содержанием, типичным для восприятия 1880-х гг. как «скучных», «невеселых» и «сумеречных» [см.: Созина]. Используя выражение, примененное С. Н. Зенкиным, поколение выступает у него в роли «нежесткого десигнатора».

В чеховское время влияние натурализма было очень сильно, и аналогичные мысли о смене «одних» «другими» мы обнаруживаем, например, в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. Н. Альбова и других восьмидесятников.

Но характерно, что Чехов причислял себя к своему поколению — «артели» писателей-восьмидесятников, когда его положение в литературе было еще не очень прочным. Позднее осознание и фиксация этой общности в его письмах уходят, сохраняясь в художественных произведениях.

Поколение выступает в творчестве Чехова в разных смыслах, и в первую очередь, достаточно традиционно, — как единица жизни, несущая значение природной, естественной сменяемости жизни и ситуативно воспринимаемая отдельным сознанием как неизбежная, но драматическая коллизия. «И я, сидя тут у окна, глядя на гуляющую публику и слушая брэнчанье фортепьяно, первый раз в жизни собственными глазами увидел, с какую жадностью одно *поколение* спешит сменить другое и какое роковое значение в жизни человека имеют даже какие-нибудь семь-восемь лет!» [Чехов, Сочинения, т. 7, с. 123], — размышляет герой рассказа «Огни» (1888), незаметным образом вводя в ход своих рассуждений аллюзию на стихи Пушкина. Мысль о подверженности человека общему природному уделу, от власти которого не уйти, в этом рассказе Чехова варьируется, с ней связаны настроения пессимизма или фатализма, в пагубности которых пытается убедить собеседников инженер Ананьев. Подобными настроениями были заражены многие восьмидесятники. В повести чеховского современника М. Н. Альбова «О том, как горели дрова» (1887) читаем: «Сменяются одно за другим *поколения*, создают идеалы в бесплодных усилиях разгадать тайну и цель бытия, страдают и борются, заливают землю потоками крови, а дело так просто, как то, что произошло в этой печке. Были дрова — и сгорели» [Альбов, т. 4, с. 317]. Осознание неизменности и бесконечной повторяемости смены одних другими (что само по себе напоминает идею «вечного возвращения» того же самого), обостряющее личный кризис героя повести Альбова, приводит его к самоубийству.

Чехов отдал дань изображению типа «современного человека», пораженного недугами восьмидесятничества, в драме «Иванов» (1887—1889), две редакции которой свидетельствуют об актуальности для автора и его современников данной темы. В герое Чехова многие критики увидели воплощение «болезни нашего времени» — «разочарования и тоски», критик газеты «Саратовский листок» относил Иванова «к тому же *поколению*, к которому принадлежал п о к о й н ы й Гаршин, певцом которого был п о к о й н ы й Надсон; это то *поколение* <...> которое на своих плечах выносит давление общественных условий настоящего времени» [цит. по: Чехов, Сочинения, т. 13, с. 353]. Однако сам Чехов как автор пьесы подчеркивал в герое и чисто физиологический мотив, объясняющий его преждевременную усталость, пассивность и равнодушие к «высоким порывам». Как неоднократно говорит в пьесе Иванов, «...утомился, не верю, в безделье провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги» [Там же, с. 53]; «...не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расхотать себя на одну только молодость... не знал меры. <...> Надорвался я!» [Там же, с. 74]. Натуралистическая мотивировка объединялась с социальной-исторической, идущей

от «эпохи безвременья», которая и породила соответствующее поколение: эта вторая мотивировка не дана в пьесе Чехова открыто, но она подразумевалась и была отмечена современниками.

Однако драматический оттенок в теме смены поколений возникает у Чехова не всегда, а в 1890-е гг. посредством художественного слова он начинает полемизировать со своими собственными отсылками к объяснительному потенциалу этого понятия. Подчас само злоупотребление персонажа концептом «поколение» в общем контексте детерминистских идей, довольно быстро ставших в 1880-е гг. расхожими, выступает способом характеристики и авторской оценки героя, вторящего массовому дискурсу периодической печати и беллетристики и не замечающего своей вторичности, своей житейской неадекватности. Таков Рашевич из рассказа «В усадьбе» (1894), длительными рассуждениями о «половом отборе» и сословно-наследственном превосходстве отпугивающий от дома единственного гостя, претендента на руку одной из его дочерей («Благодаря строгому половому подбору, тому, что благородные фамилии инстинктивно охраняли себя от неравных браков и знатные молодые люди не женились чёрт знает на ком, высокие душевные качества передавались *из поколения в поколение* во всей их чистоте, охранялись и с течением времени через упражнение становились всё совершеннее и выше» [Чехов, Сочинения, т. 8, с. 334]). В повести Чехова «Моя жизнь» (1996) концепт «поколение» вновь попадает в контекст идеи о дурной повторяемости, цикличности жизни, но и здесь его использует не автор-повествователь, а герой, и критический пафос Мисаила, направленный против пошлости жизни русской провинции, лишенной внутреннего движения и смысла, исполненной неуважения к личности, связан прежде всего с личной бедой — беременностью сестры, отлученной от городского общества и вынужденной уйти из дома («Подрядчик-плотник всю свою жизнь строит в городе дома и всё же до самой смерти вместо “галерея” говорит “галдарея”, так и эти шестьдесят тысяч жителей *поколениями* читают и слышат о правде, о милосердии и свободе, и всё же до самой смерти лгут от утра до вечера, мучают друг друга, а свободы боятся и ненавидят ее, как врага» [Чехов, Сочинения, т. 9, с. 269]).

Наиболее показателен в данном ряду «Рассказ неизвестного человека» (1893) Чехова. Понятие «поколение», будучи отнесено к конкретному времени и характеризуя филиацию «нытиков» и «рефлекторов», своеобразных «лишних людей» 1880-х гг., становится в этом произведении полем диалогической полемики персонажей, воплощающих разные типы отношения к жизни, неслучайно первоначальное название повести было именно «В восьмидесятые годы». Здесь сталкиваются позиция нравственного индифферентизма, граничащего с подлостью и находящего оправдание в отсылке к обстоятельствам времени, к некоему фатальному закону природы и жизни, к общей «необходимости» (петербургский чиновник Орлов) — и позиция моральной ответственности человека за свои (и чужие) поступки, заставляющая его полагаться на свои собственные, пусть и слабые силы, верящего в небесцельность жизни (герой-рассказчик повести Владимир Иванович).

Я вовсе не проповедую равнодушия, а хочу только объективного отношения к жизни. Чем объективнее, тем меньше риску впасть в ошибку. Надо смотреть в корень и искать в каждом явлении причину всех причин. Мы ослабели, опустились, пали наконец, наше *поколение* всплошную состоит из неврастеников и нытиков, мы только и знаем, что толкуем об усталости и переутомлении, но виноваты в том не вы и не я: мы слишком мелки, чтобы от нашего произвола могла зависеть судьба целого *поколения*. Тут, надо думать, причины большие, общие, имеющие с точки зрения биологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть может, это нужно и полезно для тех *поколений*, которые будут жить после нас. <...> (монолог Орлова. — Е. С.)

Так-то так, — сказал я, подумав. — Я верю, следующим *поколениям* будет легче и видней; к их услугам будет наш опыт. Но ведь хочется жить независимо от будущих *поколений* и не только для них. Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы те же *поколения* не имели права сказать про каждого из нас: то было ничтожество, или еще хуже того... [Чехов, Сочинения, т. 8, с. 212–213].

Точка зрения «неизвестного» Владимира Ивановича, выступающего в повести рассказчиком, небезупречна — он разуверяется в своем «деле» (народнических идеалах) и, страдая от неизлечимой (чеховской) болезни, стремится хотя бы напоследок испытать радость жизни, любви, домашнего тепла, но не может дать счастья Зинаиде Федоровне, увезенной им от Орлова и разочаровавшейся также и в нем самом. Однако сама идея «будущих поколений», перекликаясь с мечтой о будущей светлой, прекрасной жизни, переходит из одного произведения Чехова в другое: от иронической тирады Лаевского, обвиняющего зоолога фон Корена (повесть «Дуэль», 1891) в том, что тот работает «не во имя любви к ближнему, а во имя таких абстрактов, как человечество, будущие поколения, идеальная порода людей» [Чехов, Сочинения, т. 7, с. 398] (а фон Корен и сам упоминает о «будущих поколениях», для которых существование Лаевского и его спутницы наносит «страшный вред»), — до мечты Вершинина из пьесы «Три сестры» (1901) о том будущем, когда «всё изменится», и таких людей, как сестры, «в следующих поколениях будет больше, все больше и больше... народятся люди», которые будут уже и лучше сестер [Чехов, Сочинения, т. 14, с. 163]. Таким образом, ресурс концепта «поколение» в творчестве Чехова оказывается достаточно велик, а сам концепт выводит нас к базовым смыслам его произведений — к вопросам о смысле жизни, текучести времени и постоянстве жизни, диалектике ее необратимости и порождаемых ею бесконечных возвращений, жажде личного счастья и труда во имя ближнего...

Для людей XIX в. была очевидна корреляция между временем и поколением, т. е. между определенным периодом истории, выделяемым в эпохе, и поколением, которое в этот период развивается и расцветает. Сами периоды обычно принято выделять по десятилетиям, хотя этот принцип соблюдается не всегда. Так, например, «замечательное десятилетие» 1840-х гг. — «цельный, внутренне законченный период развития» (как именуется он в «Истории русской литературы XIX века» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского [История русской

литературы XIX века, т. 4, с. 66]), согласно работе П. В. Анненкова охватывает 1838–1848 гг. Описывая свое знакомство с В. Г. Белинским в конце 1830-х гг., Анненков говорит о среде «нарождающегося поколения» [Анненков, с. 116], т. е. «замечательное десятилетие» для него — это и есть среда развития и наибольших свершений этого поколения. Хотя можно заметить, что установленные им границы периода определяются временем активной деятельности Белинского как центральной фигуры и периода, и всего поколения, так что конец периода определяется его смертью. Само же поколение, как и у Чернышевского, — это носитель нового направления, сложившегося благодаря Белинскому.

Вся терминологическая цепочка — *эпоха, период, поколение* — утверждается как общепринятая и широко используется в историко-литературных работах ближе к концу века. Это хорошо прослеживается по упомянутой нами «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1908–1911) — важнейшему достижению культурно-исторической школы. Первые два тома охватывают первую половину века. Это «Александровская эпоха» — с начала столетия до 1825 г., и «Николаевская эпоха», или «Николаевское время» — 1825–1855 гг. Последующие две эпохи (еще три тома) получают уже иные, сугубо социально-политические наименования: «Эпоха реформ и затормозившей их реакции» 1856–1868–1881 гг., «Эпоха реакции 80-х гг. и пробуждения 90-х» 1884–1905 гг.

Каждая эпоха делится на периоды. Александровская эпоха включает периоды до и после 1812 г., «Николаевская эпоха» — период 1830-х гг. (после 1825 г.), и 1840-е — начало 1850-х гг. Для каждого периода (иногда также называемого эпохой) характерны специфические комплексы настроений и идей, формирующие мысли и чувства, а иногда и формы деятельности поколения, определяющие сложившееся в это время литературное направление. Так, для Александровского времени характерен интерес общества к политическим вопросам, хотя тогда же складывается «сентиментальный романтизм» В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и др., связанный с исходным влиянием Н. М. Карамзина. После 1812 г. происходит «раздвоение» общества: одна его часть проникается «религиозной экзальтацией», другая не порывает «с либеральными идеями». На этой основе возникают литературно-политические общества и идеи поколения декабристов, ведущим идейно-эмоциональным комплексом времени становится байронизм.

Впоследствии Ю. М. Лотман будет писать о поколении декабристов как о «детях 1812 г.», акцентируя тот момент, что декабристы создали «особый тип русского человека», культурно-исторический и психологический [Лотман, 1994, с. 331]. Как справедливо указывает Ю. В. Матвеева, положения Лотмана перекликаются с тезисом Л. Я. Гинзбург об «историческом характере» 1830-х гг. [Матвеева, с. 14]. Есть эпохи, рождающие особые типы личности, продуцирующие яркие индивидуальности, оставляющие след на всем поколении. Ю. М. Лотман писал: «Историю литературы можно излагать как историю идей и историю людей. Получаемые при этом картины могут существенно отличаться. Начало XIX века не может выдержать сравнения с последней третью XVIII или

1820—1830-ми годами по глубине выработанных им теоретических концепций. Основное культурное творчество этой эпохи проявилось в создании человеческого типа. Культурный человек России начала XIX века — одно из самых замечательных и интересных явлений русской истории» [Лотман, 1971, с. 10]. Именно этот тип, став высшим достижением своей эпохи, выработал понятия о нравственности («страх порока и стыда»), которыми жило все последующее столетие, и именно это поколение стало поколением декабристов.

Наиболее ярко в «Истории русской литературы» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского оказались описаны периоды 1830-х и 1840-х гг., т. е. эпоха Николая I, за что мы должны быть особенно благодарны Р. В. Иванову-Разумнику, И. И. Замотину, Вас. Е. Чешихину-Ветринскому. Говоря о поколении, все три автора как синонимичные понятия употребляют выражения «люди двадцатых годов», «люди тридцатых годов» и «люди сороковых годов», ставшие в ту пору общепринятыми, — достаточно вспомнить роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869). Основное отличие первых двух поколений состоит в том, что любомудры, шеллингианцы, декабристы 1820-х гг. «были свидетелями того духовного подъема, который был в России по окончании наполеоновских войн». «Станкевич, Белинский, Герцен, Огарев в возрасте пятнадцати лет были свидетелями того духовного разгрома, который последовал после неудачи декабрьского восстания» [История русской литературы XIX века, т. 1, с. 259]. Во второй половине 1830-х гг. вместо Н. В. Станкевича выразителем идей поколения становится М. А. Бакунин. Для умственного движения 1840-х гг. наиболее значимы три фигуры в среде западников — Т. Н. Грановский (скоро ушедший в тень), В. Г. Белинский и А. И. Герцен (к концу десятилетия один из них умирает, другой отправляется за границу, чтобы уже никогда не вернуться на родину): им всем было свойственно «высокое представление о человеческой личности» [История русской литературы XIX века, т. 2, с. 95], и три фигуры в среде славянофилов — И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и К. С. Аксаков. По отношению к литературе 1840—1850-х гг. выделяются И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов — так называемая «плеяда сороковых годов» [Там же, с. 131], «в полном блеске» проявившая себя позднее, в 1860-е и 1870-е гг.

По сути дела, в «Истории» Овсяннико-Куликовского задана модель работы с содержанием понятий «эпоха» и «поколение», которая срабатывает для всех эпох-периодов XIX в. Предваряя историко-культурные исследования Ю. М. Лотмана и Л. Я. Гинзбург и идя в русле идей культурно-исторической школы, в частности, самого Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Р. В. Иванов-Разумник (1-й том) в каждом поколении выделяет центральные фигуры, используя «имена как обозначения типов» [История русской литературы XIX века, т. 1, с. 249]. «Типичный человек двадцатых годов — Пестель, типичный человек тридцатых годов — Станкевич», это «высшие представители той и другой эпохи» [Там же, с. 248], ярче всего демонстрирующие различие между эпохами и поколениями. Но одного имени, олицетворяющего свою эпоху и свое поколение, оказывается недостаточно, поскольку важны «не только внешние

условия, но и ...внутренний склад жизни человека... его духовная организация» [История русской литературы XIX века, т. 1, с. 249]. «Нельзя выводить мировоззрение эпохи исключительно из условий социальной жизни и среды» [Там же, с. 260], — пишет Иванов-Разумник. Поэтому рядом с П. И. Пестелем оказывается кн. В. Ф. Одоевский, а рядом со Станкевичем — Герцен. Каждый из них был вождем и вдохновителем своего кружка, и именно кружки определяют своеобразие эпох-периодов и поколений 1830—1840-х гг., хотя в 1840-е гг. из кружков вырастают «два более обширные круга: западников и славянофилов» [История русской литературы XIX века, т. 2, с. 86]. Иначе говоря, при рассмотрении поколения, приходящегося на ту или иную эпоху, авторам-исследователям важно выделить носителей характерных идейно-психологических комплексов этого времени: они их интересуют как некие общности, социально-психологические сгустки вокруг определенных идеологем.

Свой эпоним, символическое имя («имя типа»), которое наиболее полно выражает свое время и духовную, идейную направленность своего поколения, имеет практически каждая эпоха или период. Чаще всего таких имен несколько, и суть напряженных столкновений своего времени обычно выражают фигуры, альтернативные друг другу, находящиеся в противоборстве, причем необязательно в области идей, но зачастую в сфере чувства. Прот. Г. Флоровский, дающий примерно такую же периодизацию русской культуры, приводит выражение М. О. Гершензона, выражающее интенцию и авторов рассматриваемых книг: «Ключ к истории идей лежит в истории чувства» [Флоровский, с. 245]. Таковы упомянутые выше Пестель (декабрист и рационалист) и кн. Одоевский (кружок Любомудров, не чуждавшийся мистики), Пушкин (поэт) и Чаадаев (философ-скептик), Станкевич (созерцательное направление в рождавшейся в ту пору русской философии) и Герцен (практика, действие, общественная мысль), Грановский и Герцен (их разделило отношение к религии и вере). В основных посылах они могли сходиться, точнее, происходить из одного корня, но в силу различия душевных натур пути их пролегали по-разному. Нельзя не вспомнить здесь знаменитую максиму Герцена, который одним из первых подвел черту под исканиями и идейными схватками своего поколения: «И мы, как двуликий Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [Герцен, т. 5, с. 171].

В качестве эпонима эпохи и поколения зачастую выступают не реальные фигуры, но литературные персонажи, их своего рода двойники. Здесь Овсяннико-Куликовский продолжает подход, заложенный им в сочинении «История русской интеллигенции» (1903—1910), где психология русской интеллигенции воссоздавалась «по данным художественной литературы», и на первый план выдвигались «так называемые “общественно-психологические” типы» [Овсяннико-Куликовский, с. 11]. Поэтому яркими выразителями своих эпох и поколений стали художественные образы, в которых «воспроизведено различие в психологии и идеологии передовой части общества трех эпох: 20-х годов (Онегин и Чацкий), 30-х (Печорин), 40-х (Бельгов, Рудин, Лаврецкий)» (глава

написана Д. Н. Овсяннико-Куликовским и Н. О. Лернером) [История русской литературы XIX века, т. 1, с. 341].

Наиболее располагающим к работе с понятием «поколение» становится период 1870-х гг., который занимает собой 1868—1883 гг., хотя в современных изданиях 1870-е и 1880-е гг. обычно составляют разные периоды². Идеи долга и совести (добавим из других источников — вины и ответственности) определяют атмосферу этой эпохи и являются ключевыми для интеллигенции. «К идее долга примешивается идея подвига, и поколение семидесятых годов возлагает на плечи свои тяжелую ношу расплаты за прародительские грехи ценою собственных лишений, собственного мученичества и часто ценою жизни» [История русской литературы XIX века, т. 4, с. 55]. Эта характеристика эпохи 1870-х гг. была развита в последующем, в том числе советском литературоведении. Так, в своей кандидатской диссертации 1979 г. И. Н. Сухих ввел дефиницию «молодое поколение» семидесятников, описал содержание этой историко-литературной, социальной и возрастной филиации и выделил в ней трех главных (молодых) писателей — А. О. Новодворского (Осиповича), В. Г. Короленко, В. М. Гаршина [Сухих]. Причем типы героев, созданных этими писателями, также рассматриваются в работе как выразители «молодого поколения» 70-х гг.

К концу десятилетия атмосфера эпохи существенным образом меняется, немаловажную роль в этом играет кризис народничества. «Заболевший “новой светлой мыслью” человек умер, и место его готовился занять больной мрачной тоской восьмидесятник» [История русской литературы XIX века, т. 4, с. 80]. Начинается «эпоха хандры, забвения прежних идеалов... время “хмурых людей”, сумеречных настроений, пониженного жизненного стремления...» [Там же, с. 80—81]. Яркими эпонимами 1870—1880-х гг. стали Гаршин и С. Надсон — «поэт разночинной интеллигенции», «чистейшее воплощение современного ему интеллигентского поколения» [Там же, с. 362]. И. Н. Игнатов, давший обзор художественной литературы и критики 1870-х гг., подчеркивает, что его интересуют здесь не единицы, не выдающиеся произведения и их авторы. «Приложить... название “литературы семидесятых годов” к «Анне Карениной», «Бесам», «Братьям Карамазовым» и др. «так же трудно, как трудно в Шекспире видеть писателя только своего века» [Там же, с. 91]. Поколение, эпоху представляют в большей степени писатели меньшего дарования — так получается по логике этого и других авторов «Истории» Овсяннико-Куликовского, хотя «результаты перелома, происшедшего в русской жизни» [Там же, с. 93], видны и у упомянутых выше больших писателей.

Понятие «поколение» оказывается востребовано и при разборе последующей эпохи, в пятом томе занимающей 1883—1900-е гг., в особенности при обращении к «поколению восьмидесятников». П. С. Коган именует «типичным восьмидесятником» по отношению к «старикам» А. П. Чехова, поскольку «пересмотр

---

² В четырехтомном издании «Истории русской литературы» начала 1980-х гг. отдельно выделены глава «Литература 70-х годов» (в 3-м томе, написана И. Н. Соколовым) и раздел «Литература восьмидесятых годов» (в 4-м томе, раздел делится на главы, написанные разными авторами) [История русской литературы].

идеалов предшествующего поколения, отречение от него восьмидесятников», свойственное Чехову, — их характерная черта, которую не следует считать лишь «продуктом общественного индифферентизма нового поколения», в ней сказывалось «стремление к независимой выработке своего мирозерцания». Но «отношение Чехова к молодому поколению, к “своим”, было не менее враждебно, чем к старикам» [История русской литературы XIX века, т. 5, с. 83]. «И, быть может, никто больше Чехова не служит доказательством того, что восьмидесятники не были только детьми уныния и равнодушия. <...> все отрицательное в этом поколении имело своего обличителя», и «в недрах» нового поколения «уже зрели жизнеспособные силы» [Там же, с. 84].

В целом, для финального пятого тома «Истории» Овсяннико-Куликовского характерно некоторое сужение исследовательского взгляда, поскольку в нем авторы наиболее приблизились к современной им литературе, в которой далеко не всегда просматривались перспективы. Наряду с тем в этом же томе наблюдается усиление социологической оптики³, особенно заметной во вступительной статье Л. Мартова. И однако, все три категории, необходимые для анализа культурно-исторического времени в его движении и содержательной уникальности, дополняют друг друга и оказываются одинаково рабочими как в рассмотренной «Истории русской литературы», так и в других литературно-художественных исследованиях XIX в. В пятитомнике под редакцией Овсяннико-Куликовского предлагается подход к проблеме поколений, в котором поколение и его время оказываются неразрывно связаны; отчасти здесь можно увидеть переключку с гораздо более поздней концепцией Ортега-и-Гассета. В этот подход входят характеристика поколения по тем идеологическим и эмоционально-нравственным комплексам, которые сложились в его время; выделение в поколении символических имен, эпонимов, представляющих эпоху; оформление этих значимых фигур в своего рода дуальные ряды, охватывающие таким образом наибольшее пространство идейной и творческой жизни поколения; введение ключевых персонажей русской литературы почти на равных правах с реальными лицами данного времени и/или поколения (подход Д. Н. Овсяннико-Куликовского); внимание к писателям не самых крупных дарований, более того — при изображении «лица» эпохи, «духа времени» нередко предпочтение отдается гениям средних талантов, способным лучше и острее выразить настроение своего поколения и своего времени. Рядом с «людьми» тридцатых и сороковых годов утверждаются и широко используются формулы «семидесятники» и «восьмидесятники»; середина века — «эпоха великих реформ» — остается без поколенного обозначения, и это тоже симптоматично, ибо означает перевес истории над литературой. Можно сказать, что XIX век передал XX веку поистине золотое наследство, которым мы будем пользоваться еще очень долго.

---

³ Вместе с тем, «социологический путь», преследующий историко-литературные цели, утверждался уже в предисловии к изданию в первом томе, идущем от лица редакции [История русской литературы XIX века, т. 1, с. 4].

Источники

- Альбов М. Н.* Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1906–1908.
- Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. 1838–1948 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М. : Правда, 1989. С. 111–352.
- Белинский В. Г.* Литературные мечтания // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : ОГИЗ, 1948. С. 7–89.
- Бестужев А. А.* Взгляд на русскую словесность // Бестужев А. А. (Марлинский). Соч. : в 2 т. Т. 2. М. : Гослитиздат, 1958. С. 547–558.
- Борн И. М.* Краткое руководство к российской словесности. СПб. : Тип. Ф. Дрехслера, 1808. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002986877/ (дата обращения: 30.11.2021).
- Герцен А. И.* Сочинения : в 9 т. Т. 5 : Былое и думы. Части 4–5. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1956.
- История русской литературы XIX века : в 5 т. / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. М. : Изд. Т-ва «Мир», 1908–1910.
- Киреевский И. В.* Деятнадцатый век // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : в 2 т. / под ред. М. Гершензона. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. Т. 1. С. 85–108.
- Мюссе А. де.* Исповедь сына века. Роман. Новеллы. Пьесы. М. : Правда, 1988.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Литературно-критические работы : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. литература, 1989.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962.
- Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс : [б. и.], 1991.
- Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. Т. 3. М. : Правда, 1974. С. 161–316.
- Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.

Исследования

- БСЭ — Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 19. М. : Сов. энциклопедия, 1975.
- Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008.
- Зенкин С. Н.* «Поколение»: опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н. А. Хренов. М. : Наука, 2005. С. 130–136.
- История русской литературы : в 4 т. / ред. колл. А. С. Бушмин, Е. Н. Купреянова и др. Л. : Наука, 1980–1983.
- Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / сост. Ю. М. Лотман, М. Г. Альтшуллер. Л. : Сов. писатель, 1971. С. 5–62.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. : Искусство — СПб, 1994.
- Матвеева Ю. В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.
- Николози Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2019.
- Ортега-и-Гассет Х.* Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М. : Весь Мир, 2000. С. 233–403.
- Созина Е. К.* Восьмидесятники: кризис поколения 80-х гг. XIX в. // Феномен творческого кризиса / под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 17–30.
- Суших И. Н.* Проблема «молодого поколения» в русской демократической литературе конца 1870-х — начала 1880-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Л., 1979.
- Философский энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.

References

- Bushmin, A. S., Kupreyanova, E. N. et al. (Eds.), *Istoriia russkoi literatury (1980–1983)* [History of Russian Literature (1980–1983)] (Vol. 4). Leningrad: Nauka.
- Gryakalova, N. Yu. (2008). *Chelovek moderna: Biografiia – refleksiiia – pis'mo* [Modern Man: Biography – Reflection – Writing]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Ivin, A. A. (Ed.). (2004). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
- Lotman, Yu. M. (1971). Poeziia 1790–1810-kh godov [Poetry of the 1790s–1810s]. In Yu. M. Lotman, & M. G. Altshuller (Eds.), *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s] (pp. 5–62). Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St Petersburg: Iskusstvo – SPB.
- Matveeva, Yu. V. (2008). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-Consciousness of a Generation in the Oeuvres of Young Émigré Writers]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Nicolosi, R. (2019). *Vyrozhdenie: literatura i psikiatriia v russkoi kul'ture kontsa XIX veka* [Degeneration: Literature and Psychiatry in the Russian Culture of the Late 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ortega y Gasset, J. (2000). Vokrug Galileia (skhema krizisov) [Man and Crisis]. In J. Ortega y Gasset, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (pp. 233–403). Moscow: Ves' Mir.
- Prokhorov, A. M. (Ed.). (1975). *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [Great Soviet Encyclopaedia] (3rd ed., Vol. 19). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Sozina, E. K. (2017). Vos'midesiatniki: krizis pokoleniia 80-kh gg. XIX v. [The Eighties: The Crisis of the 1880s Generation]. In T. A. Snigireva, & A. V. Podchinenov (Eds.), *Fenomen tvorcheskogo krizisa* [The Phenomenon of Creative Crisis] (pp. 17–30). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Sukhikh, I. N. (1979). *Problema "molodogo pokoleniia" v russkoi demokraticheskoi literature kontsa 1870-kh – nachala 1880-kh godov* [The Problem of the "Young Generation" in the Russian Democratic Literature of the Late 1870s – Early 1880s] (doctoral dissertation). Leningrad.
- Zenkin, S. N. (2005). "Pokolenie": opyt dekonstruktsii poniatiia ["Generation": The Experience of Deconstruction of the Concept]. In N. A. Khrenov (Ed.), *Pokolenie v sotsiokul'turnom kontekste XX veka* [Generation in the Socio-Cultural Context of the 20th Century] (pp. 130–136). Moscow: Nauka.

Созина Елена Константиновна

доктор филологических наук, профессор
¹ зав. центром истории литературы
 Институт истории и археологии УрО РАН
 620990, Екатеринбург,
 ул. С. Ковалевской, 16
² профессор кафедры русской
 и зарубежной литературы
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Sozina, Elena Konstantinovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
¹ Head of the Centre of History of Literature
 Institute of History and Archaeology UB RAS
 16, S. Kovalevskaya Str.,
 620990 Ekaterinburg, Russia
² Professor
 Department of Russian and Foreign Literature
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
 Email: elenasozina1@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7462-4153>
 Scopus AuthorID: 57191623514
 WoS ResearcherID: A-1079-2016